

Юлия Басова

Старушка

Тишина в квартире, кошка сонно прислушивается к шорохам в сладком блаженстве полудрёмы. Хотелось так же лежать весь день, на ворсистой старой шапке, и неторопливо растворяться в океане звуков. А вставать приходилось рано.

Чистила зубы, досуха вытиралась махровым полотенцем, и – в разогретую коммунальную кухню. Там был и растворимый кофе, и жареный хлеб, и яичница с колбасой, от которой шёл многообещающий, ни чем не сравнимый аромат нового утра.

Дома тихо, тепло и сытно, хотя и сырой потолок дважды в год, и непростая старушка-соседка, которая сначала любила меня (когда я была маленькой, и по образу мышления очень мы были похожи), а потом не любила, потому что я приводила мужчин и курила у себя в комнате вполне открыто (зашла за чем-то ко мне, увидела с сигаретой в зубах, и: «Ах, какой ужас, ты куришь?») Сказала так, словно меня в тюрьму надо было...

Ещё я занимала телефон, а ей звонили престарелые, как и она, сестрицы, и слушали в трубке короткие гудки.

Сначала две сестры звонили, потом одна, потом ни одной, а лишь племянники. У сестер были дети, у неё – нет.

Когда старушка меня ещё любила, она рассказала мне про Алёшу. Возможно, это и была главная её история, пахнувшая нафталином. Тем же, каким в её старом недристом шкафу пахли послевоенные одежды, носимые ею необычайно бережно, как и воспоминания. Она думала, что знает, почему у неё никогда не было детей, почему так и не вышла замуж – её всё ещё интересовала эта тема, несмотря на более чем почтенный возраст.

Алёша любил её как полагается - сильно.

Семья у Валечки была большая – шестеро детей. Жили тесно (в девяти метрах), но дружно. Она очень была привязана к своей маме, ни разу не посмела перечить ей.

Когда время пришло, милый Алёша сказал: «Собирайся, Валентина, поедem со мной! Мне предложили работу в другом городе, а ты станешь моей женой», и, услышав в ответ растерянное: «А как же мама?», был таков. «Ну и оставайся со своей мамашей!» - бросил он напоследок.

И она осталась. Пошла работать на завод, а сёстры пошли в институт. Так велел отец.

А через пятнадцать лет на весеннем суетливом вокзале она случайно столкнулась с Алексеем. Договорились о встрече. И он не женат, и она – не замужем.

И Валентина полетела. На свидание. К тому, кого не забыла. Встречу назначили там же, на перроне. Она почти что подошла к тому месту, где ждал он... И вдруг пьяная, гудящая сила подхватила, поволокла её в противоположном направлении, подальше от него и от тогда ещё возможного счастья. Майская толпа, идущая на демонстрацию, пахнувшая яблоками и спиртом утянула её, и наступило то самое, что называют «несудьба». И не забыть этого уже никогда, хотя

Её нет в живых теперь, и пусть другие тихо жалуются на судьбу и плачут в подушку, - сейчас их черед.

А я помню её живой, всё ещё обиженной на меня за то, что больше не выслушиваю ее длинных историй. За то, что я так рано разъехалась с мамой. За мужские голоса, доносящиеся из старой массивной телефонной трубки, зовущие меня в неведомую жизнь, которую ей никогда уже не познать. За то, что не скрываю своего желания уехать туда, где в помине нет старых обшарпанных дверей, потрескавшегося дешёвого кафеля, где на кухне и в туалете нет посторонних, а только члены одной семьи...

Я знала уже тогда, что это возможно, а она никогда не жила по-другому. О соседях по коммунальной квартире, что были до меня, Старушка вспоминала как о близких родственниках.

....Она стояла на лестничной клетке и, наверное, не знала, не понимала, что не увидимся уж больше.... Вот мы, с такой же, как и я, молодой разудалой девицей, весело и бойко пакуем вещи, чтобы навсегда перевезти их во вновь купленную мной, дешевенькую, но всё же, свою-собственную квартиру (где-то у чёрта на рогах, но: «ой, да где угодно, только чтобы отдельная»), неаккуратно кидаем на пол одежду, вяжем узлы из простыней, лихо расправляемся с надоевшей старой обувью, хохочем от переполняющего ликования юности, и летим вниз, перескакивая через ступеньку – в новую жизнь. А на пороге опустевшей квартиры стоит она – маленькая, и, отчего-то жалкая. Но мне не до неё. Она что-то говорит, вроде просит заходить почаще, но я не слышу, я уже несусь по лестнице, не замечая, как она тихо плачет и бормочет: «Как же я теперь одна?»

....И только воспоминания остались во мне, и чем старше я становлюсь, тем чаще я вспоминаю свою старенькую квартирку, и славную Старушку мою, ушедшую так тихо и незаметно, что никто даже не плакал по ней...